

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Цыремпилова Николая Владимировича
«Государство и бурятская буддийская община в Российской империи XVIII – начала XX
в.», представленной к защите на соискание учёной степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – отечественная история

Автор отзыва: Андреев Александр Иванович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 5, тел.: +7 (812) 328 47 12, факс.: +7 (812) 328 46 67, эл. почта andreev_ai@inbox.ru.

Диссертация посвящена важной, сложной и интересной теме, в которой переплетаются политика и религия, интересы государства и духовные потребности верующих, представителей одной из малых конфессий России (буддизма). Выбор темы следует признать весьма удачным, ибо как справедливо отмечает во Введении диссертант, «Понимание законов, по которым выстраиваются взаимоотношения между имперской властью и религиозными общинами, способно прояснить многие вопросы, которыми задаются как историки, занимающиеся исследованиями природы империй, так и религиоведы, разрабатывающие проблемы формирования религиозных институтов» (с. 4). Почти трёхсотлетний опыт взаимоотношений государственной власти России с буддийскими общинами нуждается в осмыслении и «суммировании», без чего, по словам Н.В. Цыремпилова, государству «крайне сложно выработать эффективную и оптимальную линию взаимодействия с современным буддийским миром как внутри страны, так и за ее пределами». В этом состоит несомненная актуальность диссертационного исследования, особенно в свете событий постсоветского периода России, когда власти откровенно стремятся придать православию статус доминирующей «государственной» религии и ограничивают по политическим соображениям контакты бурятских и калмыцких буддистов со своим духовным главой 14-м Далай-ламой, как это имело место в 1990-е и начале 2000-х гг.

Представленная к защите диссертация – это оригинальное новаторское исследование, в котором даётся комплексный и всесторонний анализ процесса взаимодействия организованной бурятской буддийской общины и властных структур российского государства «в макрорегиональном и межцивилизационном аспектах», по выражению автора. Это первая работа по истории интеграции бурятской буддийской *сангхи* в Российскую империю со времени публикации в 1957 г. монографии К.М. Герасимовой «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX века». Научная новизна работы Н.В. Цыремпилова бесспорна – достаточно сказать, что диссертант использовал в своём исследовании и тем самым ввёл в научный оборот ряд неизвестных источников на тибетском, монгольском и русском языках. Помимо огромного массива первичных источников, диссертант проработал практически всю базовую литературу по теме, как отечественную, так и западную (в основном англоязычную). Правда, должен отметить, что в поле его внимания, к сожалению, не попала диссертационная работа П.А. Павлова «Духовные связи российских буддистов с Тибетом в конце XIX – начале XX вв.», защищённая в 2007 г. Санкт-Петербургском Государственном университете. Некоторые разделы этой работы напрямую перекликаются с исследованием Н.В. Цыремпилова, напр. глава

1.1. «Тибетская форма буддизма: особенности распространения среди многоязычных народов Российской империи (XVII – XIX вв.)» и глава 2.1. «Буддизм и буддисты во внутренней и внешней политике России в XIX – начале XX вв.».

Важным показателем новизны исследования диссертанта является также всесторонняя характеристика религиозной политики царской России в отношении буддийской *сангхи* в сравнении с политикой в отношении других конфессиональных групп.

Диссертационная работа состоит из Введения, пяти глав, Заключения и библиографии (список источников и использованной литературы). Каждая глава заканчивается кратким обобщающим резюме («Выводы»).

Первая и самая большая глава в диссертации, содержит обширный исторический экскурс, в котором рассматриваются различные концепции или модели взаимодействия буддийской *сангхи* и светской власти в государствах азиатского региона (Индия, Таиланд, Бирма, Цейлон, Китай, Тибет). Диссертант вводит нас в мир ранней *сангхи*, показывает, как в традиции Тхеравады постепенно сформировались концепции *чакравартина* и *дхармараджи* – «совершенного мирового правителя» и как буддисты на их основе строили свои отношения с правящими элитами в этих гос-вах. Отмечая «универсалистский подход» буддизма к социальной этике, Н.В. Цыремпилов в то же время вполне справедливо указывает на наличие «глубинных мотивов буддийского тяготения к монархии», коренящихся в классических текстах литературы сутр. Монарх для буддийских монахов это фигура «гармонизирующая» миропорядок, вносящая «организацию в общество» и обеспечивающая социальную справедливость. В результате делается важный вывод: «практически во всех регионах распространения буддизма Тхеравады в классический период монархий, взаимоотношения между монашеской *сангхой* и королевской властью эволюционировали по пути *симбиотической взаимозависимости*». Диссертант называет эту модель «подчинённо-симбиотической» системой, при этом он отмечает некую парадоксальную особенность – «периоды процветания *сангхи* и ее институтов коррелировали с тем, насколько сильным был контроль над ней со стороны государства» (с. 59).

Совершенно иную модель отношений между государством и буддийской общиной мы наблюдаем в Тибете. В отличие от «подчинённо-симбиотической» системы, получившей распространение в странах южной, юго-восточной и восточной Азии, в этом центральноазиатском государстве сложилась «паритетно-симбиотическая» система, характеризующаяся полным или значительным «сращением монашеского сегмента с государственным аппаратом» и постепенным «увеличением степени доминирования религиозных институтов над светскими» (с. 128). В результате происходит сакрализация государственной власти, которая присваивает себе права «главного регулятора общинного порядка».

Во второй главе диссертант переходит к рассмотрению специфически российской модели взаимоотношений религиозной (буддийской) общины и государства с момента распространения буддизма в Забайкалье (в нач. XVIII в.). Он отмечает «социально-конфессиональную структуру» имперской России – «Империя мыслила религиозными, а не этническими или какими-либо иными категориями. Конфессиональность лежала в основе социального порядка. Каждый подданный империи должен был относиться к определённой конфессии» (с. 132). Доминирующую роль в обществе играла православная церковь, что неизбежно ставило другие конфессии в подчинённое положение, необходимость приспособливаться, искать способы выживания в условиях, когда государство (в конце XVIII – нач. XIX вв.) стало вести борьбу за искоренение «язычества». Это позволяет дис-

сертанту сделать вывод, что религиозные меньшинства в Российской Империи, вплоть до 1905 г. были «дискриминируемым меньшинством». Таким образом, «буддийским ламам предстояло строить общину в привычных и в то же время весьма необычных условиях. Вполне готовые и даже нуждавшиеся в жестком государственном контроле, они должны были существовать в условиях постоянной осознанной *маргинализации* и носить на себе *стигму культурной инаковости и чуждости*» (с. 140). На наш взгляд, это очень важный вывод, позволяющий понять особенный характер самоидентичности бурятской буддийской общины.

Диссертант выделяет два принципа, которыми руководствовались «российские администраторы», закладывавшие основы политики в отношении забайкальских («бурят-монгольских») буддистов: во-первых, это стремление изолировать общину от единоверцев в соседней империи (Цинский Китай), чтобы «обеспечить безопасность в зоне фронта и заблокировать неконтролируемые каналы связи»; и, во-вторых, желание чиновников установить «контроль над системой посвящения в монашество через введение штата и централизацию общины» (с. 202). Этому, однако, мешало отсутствие законодательной основы, которая позволила бы окончательно «встроить» буддийскую общину в систему управления государством.

В третьей главе диссертант рассматривает первые проекты религиозного законодательства (первой половины XIX в.) – уставы по управлению «буддийскими ламами». Отмечается, что эти проекты исходили, как из либеральной, так и консервативной точек зрения. Либеральной позиции придерживались чиновники Азиатского департамента МИД и Минфина, консервативной – администраторы Главного управления Восточной Сибири и Сибирского комитета. В то же время инициативы самих лам, при всей их взвешенности и «нацеленности на конструктивное взаимодействие» не были восприняты властями. Делается вывод: «Власть (в первой половине XIX в.) не была готова к взаимодействию с общиной» и предпочитала «спускать решения сверху» (с. 274).

Окончательному оформлению системы управления буддийскими подданными Российской Империи во второй половине XIX в. посвящена четвертая глава диссертации. В ней рассматриваются такие вопросы, как принятия «Положения о ламайском духовенстве 1853 г.», проблема «религиозных миграций», издательская деятельность дацанов. Делается вывод о «высокой степени консолидации» буддийской *сангхи* Байкальского региона и усилении в ней «центростремительных тенденций» в конце XIX в. При этом автор отмечает характерную особенность в отношениях бурятской общины с имперской администрацией. Бурятские буддисты «смотрели на империю не как на враждебную силу, но как на поле возможностей и сферу симбиотического взаимодействия» (с. 335). С таким выводом можно вполне согласиться.

В последней пятой главе Н.В. Цыремпилов рассматривает проблемы взаимного восприятия буддийской общины и российского общества, отмечая, что вторая половина XIX в. стала временем «сближения двух миров на интеллектуальном и культурном уровне».

Заключительные выводы, суммированные диссертантом в разделе «Заключение» (с. 372-381) представляются мне взвешенными, убедительными и справедливыми, что свидетельствует об основательной и очень качественной проработке диссертантом темы своего исследования. Н.В. Цыремпилов провёл огромную изыскательскую работу в архивах, использовал значительный массив российских и монголо-тибетских источников, что

позволило ему убедительно показать весьма непростой характер взаимоотношений российского имперского государства и бурятской буддийской общины, их эволюцию в рамках «русской модели» и сделать логически обоснованные и не вызывающие возражений выводы.

Единственное, что можно было бы добавить к данной диссертантом характеристике восприятия Российской империи буддистской *сангхой*, это мифологизация буддистами отношений с высшей царской властью в лице правящего дома Романовых, а именно создание мифа (мифологемы) о покровительстве буддизма русскими царями (Елизаветой Петровной, Екатериной Великой и Николаем II), признанных воплощениями Белой Тары. И в Монголии и в Тибете и в самой России, как хорошо известно, бурятский учёный лама Агван Доржиев в начале XX века настойчиво распространял этот миф, называя Россию «Чанг-Шамбала» (Северная Шамбала), с целью политического сближения России и Тибета. Более того, он стремился побудить Николая II объявить себя светским патроном – покровителем Тибета, как сугубо религиозного государства, в соответствии с тибетской концепцией «чойон».

Частью этого мифа является распространяемая буддистами по сей день версия о том, что в 1741 г. императрица Елизавета Петровна своим именованным указом «утвердила» буддизм в России, хотя такой документ отсутствует в российских архивах. Это дало повод современной буддийской *сангхе* широко отпраздновать в 1991 г. юбилейную дату – «250-летие буддизма в России».

Складывается впечатление, что Н.В. Цыремпилов верит в существование такого указа – «полным текстом этого документа мы пока что не располагаем», пишет он (с. 165). Правда, чуть ниже в том же разделе (Глава 2.5) диссертант утверждает, что указ исходил от местных (губернских) властей: «Несмотря на то, что указ мы так и не нашли, не приходится сомневаться, что такой документ действительно существовал. <...> Существовал он в статусе указа, но не именного императорского указа, а указа распорядительного, изданного местным органом власти от лица верховного монарха, что в XVIII веке было нормальной управленческой практикой. Те же данные заставляют признать, что хотя мы и не можем говорить о нем, как о документе, официально признававшем буддийскую религию на территории Российской империи, указ фактически легитимировал буддийское духовенство, признавал за ним российское подданство (с. 170). С таким выводом нельзя не согласиться, хотя, как мне кажется, о мифическом характере именного указа императрицы (взошедшей на российский престол, кстати, в самом конце 1741 г.), следовало бы сказать более определённо и недвусмысленно.

Мне также кажется, что диссертанту, следовало бы осветить чуть более подробно роль А. Доржиева и его политическую и религиозную деятельность в России в начале XX века, хотя это, несомненно, вывело бы диссертанта за поставленные им хронологические рамки. Так, построенный Доржиевым в 1909-1915 гг. в С.-Петербурге буддийский храм был задуман не только как «небольшой дацан» для удовлетворения духовных нужд местных буддистов, но также и как резиденция неофициального представителя Далай-ламы в России (т.е. самого Доржиева). Доржиев, очевидно, стремился к реализации – на российской почве – тибетского концепта «чойон», регулирующего отношение светского и духовного правителей (русский царь – Далай-лама). Но это практически поставило бы бурятскую буддийскую *сангху* и её главу (Бандидо хамбо-ламу) в определённую и достаточ-

но большую зависимость от Лхасы. Такая вертикаль духовной власти, естественно, не могла импонировать Петербургу, что обрекло проект Доржиева на неудачу.

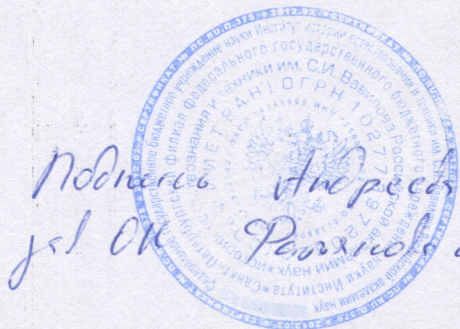
Н.В. Цыремпилов касается этой непростой темы вскользь, цитируя мнение А.И. Термена, писавшего в 1912 г., что А. Доржиев «постоянным своим пребыванием в Петербурге и ежегодными наездами на окраины с проповедью буддизма *постепенно переносит центр тяжести буддизма в Петербург, чем в глазах населения придает буддизму новую окраску*». Термен также приводил циркулировавшие среди бурят слухи, о том, что «царь для Доржиева приказал построить великолепный дацан рядом со своим дворцом», что «у самого царя во дворце живут ламы», и что «царь очень сочувствует ламаизму и хочет, чтобы все буряты были ламаитами» (с. 342). Иными словами, Доржиев активно создавал миф о покровительстве русскими царями буддизма, необходимый ему для реализации своего большого политического проекта «российско-тибетского сближения».

Что касается упоминаемых в тексте диссертации исторических фактов, я заметил только одну ошибку – диссертант почему-то называет созданное в 1875 г. в Нью-Йорке Е.И. Блаватской и Г. Олкоттом Теософское общество «Буддийским Теософским обществом» (с. 61), со ссылкой на вроде бы авторитетное издание («История Востока», М., 2005). Это Общество, однако, так никогда не называлось, и стремилось оно, в соответствии со своим уставом, к созданию «всемирного братства людей (universal brotherhood of men), а не «всемирного братства буддистов». Диссертант при этом не называет конкретно автора, на явно ошибочное мнение которого он ссылается (в Библиографии также не указаны редакторы этой коллективной монографии).

Подводя итог, следует отметить, что содержание диссертации Н.В. Цыремпилова и сформулированные в ней выводы полностью соответствуют заявленным целям исследования. Результаты произведённого им исследования прошли солидную апробацию, по теме диссертации опубликован целый ряд значительных с научной точки зрения работ. Основная ценность исследования состоит в том, что диссертант сумел собрать и обобщить большой эмпирический материал и на его основе выявить логику событий рассматриваемых им исторических процессов, как в российском, так и в глобальном (общеазиатском) контекстах. Цыремпилов проявил достаточно высокий профессионализм при решении стоявших перед ним исследовательских задач и представил к защите оригинальное и завершённое историческое исследование. Диссертация Н.В. Цыремпилова является полноценным, фундаментальным научным исследованием, она соответствует необходимым требованиям, предъявляемым к работам такого уровня, а её автор заслуживает присвоения искомой им учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 - отечественная история.

27 октября 2015 г.

А.И. Андреев
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники РАН

А.И. Андреев
5
А.И. Андреев